

Джейн и Элизабет тоже вышли неизвестно когда и теперь стояли за её спиной.

— Мэри, — тихо спросила Джейн. — Это... та самая?

Мэри обернулась и посмотрела на них.

Уголки её губ были приподняты, а глаза сияли.

— Да, — ответила она. — Моя книга.

Элизабет подошла ближе, заглянула ей через плечо и уставилась на контракт.

— Томассон? — прочитала она вслух, затем подняла глаза на Мэри, потом на отца. — Это ещё кто?

Мистер Беннет улыбнулся.

— Это её псевдоним, — пояснил он.

Элизабет на секунду опешила, а потом тоже улыбнулась.

— Томассон. Ладно, сойдёт. В любом случае, я потребую автограф. Не забудь.

Мэри кивнула.

— А дядя? — спросила она. — Разве он не сопровождал вас?

Мистер Беннет улыбнулся.

— Он велел передать тебе кое-какие слова.

— Какие слова?

— Сказал, что непременно угостит тебя обедом. Хотя бы за то, что ты заставила его сегодня прокатиться туда и обратно. И пригласит только тебя одну — хочет получше разглядеть свою племянницу.

Мэри удивленно замерла.

— Он догадался, что это я?

— Угу.

— И... что он сказал?

Мистер Беннет задумчиво хмыкнул.

— Он сказал: «Боже милостивый, неужели моя сестрица и впрямь не догадывается, какой гений прячется у неё под крышей?»

Щёки Мэри покраснели.

Но уголки губ по-прежнему были изогнуты в улыбке.

За окном пел соловей.

Она опустила взгляд на контракт, на те самые два напечатанных слова: Томассон.

Это было его имя.

И её тоже.

Прошло три месяца.

Весна в Лондоне наступила раньше, чем в деревне. На платанах на Керзон-стрит проклюнулись свежие почки, в витринах книжных лавок красовались новейшие издания, и прохожие то и дело останавливались, чтобы сквозь стекло поразглядывать обложки с золотым тиснением.

Вывеска издательства Эджертон по-прежнему выглядела неприметно. Но сегодня стопка книг на прилавке приковывала к себе все взгляды: тёмно-синие обложки, серебряное тиснение, а на корешках вытиснены два названия: «Отпечатки на чердаке» и «Температура в леднике», и имя автора — Томассон.

Мистер Эджертон стоял за прилавком, глядя на эту стопку, и сердце его бешено колотилось.

Пятьсот экземпляров. Это была самая крупная авантюра за всю его жизнь.

Если книги не раскупят, он потеряет половину своего состояния.

Но тот мистер Беннет, стоявший перед ним со словами «половина здесь — это уверенность, а вторая половина — желание, чтобы как можно больше людей увидели её книгу», убедил его, что этот риск стоит того.

В то же время на другой улице Лондона, в захудалой книжной лавке, какой-то мужчина средних лет небрежно листал свежий завоз.

Его звали Генри Торнтон, он служил клерком в лондонской юридической конторе. Сегодня после полудня выдалось свободное время, и он выскользнул на улицу поглазеть на книги, чтобы убить досуг.

Он наугад взял одну книжку, полистал, бросил обратно. Взял другую, взглянул на имя автора — незнакомо, положил на место.

Затем его взгляд упал на книгу в тёмно-синей обложке.

«Отпечатки на чердаке».

Автор: Томассон.

Имя ему ни о чём не говорило.

Он рассеянно открыл первую страницу.

«Ноябрь 1817 года ознаменовался для Лондона редким ледяным дождём. Фрэнсис Уоллстоун, закутавшись в потертую шерстяную шаль, сидела у чердачного окна...»

Он простоял за чтением целую страницу.

Перевернул на вторую.

Третью.

Хозяин лавки поднял голову из-за прилавке, бросил на него мимолётный взгляд и снова углубился в подсчёты.

Генри так и стоял на месте, не двигаясь.

Добравшись до пятой страницы, он вдруг сообразил, что торчит здесь уже добрых четверть часа. Он огляделся: стульев в лавке не было, так что ему пришлось продолжать стоять, перелистывая страницу за страницей.

Он читал о том, как женщина по имени Фрэнсис обнаружила следы пальцев на подоконнике. О том, как она прижала лист бумаги к раме, чтобы перевести узор. И о том, как эти самые узоры в конце концов указали на человека, на которого никто и подумать не смел.

Дочитав до последней страницы, он захлопнул книгу и только тогда понял, что проглотил первую историю на одном дыхании.

Несколько секунд он стоял в растерянности.

Затем произнес:

— Сколько стоит эта книга?

Хозяин лавки поднял голову:

— Три шиллинга шесть пенсов.

Генри вытащил из кармана монеты, положил на прилавок и, прижимая книгу к груди, вышел на улицу.

Уже шагая по тротуару, он вдруг вспомнил одну деталь — книга состояла из двух томов. Сейчас он осилил лишь первую историю из первого тома, а второй том даже не открывал.

Он посмотрел на книгу в своей руке, потом на витрину лавки.

Ладно, завтра зайдет за вторым томом.

Он и не подозревал, что в ту самую минуту, когда он покидал лавку, в другом книжном магазине всего в двух кварталах отсюда молодой человек занимался ровно тем же самым — стоял у прилавка и листал тёмно-синий томик уже целых пятнадцать минут.

А в полумиле к востоку, в третьей лавке, эту же книгу пролистывал адвокат в чёрной мантии.

Ни один из них не был знаком с остальными.

Но все они читали одну и ту же книгу.

На следующий день после полудня мистер Эджертон сидел за прилавком, погруженный в задумчивость, как вдруг дверь резко распахнулась.

В лавку вихрем влетел молодой человек, весь в мыле и тяжело дышащий.

— Мистер Эджертон! Мистер Эджертон!

Мистер Эджертон от неожиданности едва не свалился со стула.

— Что случилось? Пожар?

— Нет! — парень оперся руками о прилавок, жадно хватая воздух ртом. — Книги! Та детективная книга! Всё распродано!

Мистер Эджертон остолбенел.

— Что?

— Распродано! — выпрямился юноша. — Нам завезли десять экземпляров, пять ушли вчера во второй половине дня, а остальные пять — сегодня утром! Не осталось ни одной! Хозяин велел спросить, есть ли ещё товар?

Мистер Эджертон открыл рот, но не успел произнести ни слова, как дверь снова открылась.

Вбежал ещё один человек.

— Мистер Эджертон! В нашей лавке «Отпечатки на чердаке» тоже закончились! Нам нужно ещё двадцать штук!

Мистер Эджертон поднялся на ноги.

— Вы... вы оба магазина...

Дверь снова отворилась.

Следующий.

— Мистер Эджертон! Наш управляющий просил узнать, сколько осталось на складе? Мы хотим взять ещё тридцать!

Мистер Эджертон замер, глядя на вход.

Дверь продолжала открываться.

Один за другим.

Кое-кто был в грубых суконных куртках — это посыльные подмастерья. Другие щеголяли в респектабельных шерстяных пальто — владельцы книжных магазинов пожаловали лично. Одни запыхались, другие сияли от возбуждения, третьи всё ещё утирали со лба пот.

Мистер Эджертон быстро сосчитал — двенадцать человек.

Представители двенадцати книжных магазинов толпились в его крошечной лавке, наперебой требуя книг.

— Мистер Эджертон, нашему магазину двадцать штук!

— А нам тридцать!

— Я пришёл первым!

— Да я ещё вчера здесь был, а тебя где носила нелёгкая?

— Не толкайтесь, не толкайтесь...

Мистер Эджертон стоял посреди этого галдежа, чувствуя, как в голове гудит.

Пятьсот комплектов.

Он отпечатал пятьсот комплектов.

И рассчитывал распродавать их не меньше полугода.

А теперь?

Шли всего лишь вторые сутки!

Он медленно опустился обратно на стул, глядя на эту толпу, и вдруг рассмеялся.

Смех получился странным, смешанным из самых разных чувств.

Рад ли он? Конечно, рад. Книга расходуется отлично, а значит, он заработает. Судя по такому ажиотажу, пятисот экземпляров не хватит и на месяц. Придётся допечатывать. Снова и снова.

Жаль ли ему? Разумеется, жаль.

С каждого проданного экземпляра придётся отдавать десятую часть прибыли тому человеку по фамилии Томассон. Десятую часть! С чего это он вдруг согласился? Как его уговорил этот Беннет?

Он вспомнил тот день, когда мужчина средних лет стоял перед ним, выкладывая на прилавок рукопись в двух томах, и спокойно произносил: Берите книгу в печать, печатайте сколько угодно, продавайте по любой цене, мне не нужна ни цента гарантии. Если не пойдёт — вы потеряете только на бумаге и типографских расходах, а я не получу ничего. Если пойдёт — заработаем вместе.

Что он тогда ответил?

Здесь и обсуждать нечего.

Точно, именно так он и сказал.

Теперь же, вспоминая об этом, мистер Эджертон только качал головой.

До чего же хитрый тип.

Но при этом...

Он поднял взгляд на людей, продолжавших грызться за право заполучить книги, и снова улыбнулся.

На этот раз улыбка была уже совсем другой.

Пусть хитрит. Пусть забирает свои проценты.

Способность продавать такие книги и работать с таким автором стоила того, даже если ему

достанется чуть меньше прибыли.

Он поднялся и взмахнул рукой.

— Хватит шуметь! — крикнул он. — По одному! Хватит на всех! Я прямо сейчас распоряжусь о допечатке!

Тем временем в десятках миль от столицы, в поместье Лонгборн семейства Беннет, царило оживление.

У крыльца только что остановилась карета, и кучер вытащил из неё огромный деревянный ящик, втащив его в прихожую.

— Что это такое? — миссис Беннет тут же подскочила ближе. — Кто прислал?

Мистер Беннет вышел из кабинета, бросил взгляд на ярлык и слегка улыбнулся уголками губ.

— Моя посылка, — ответил он. — В кабинет её.

Кучер занес ящик в комнату и опустил на пол. Мистер Беннет запер за ним дверь, взял небольшой нож и поддел крышку.

Внутри аккуратными рядами лежали свыше десятка книг.

Тёмно-синие обложки, серебряное тиснение.

«Сборник детективных историй Фрэнсис Уоллстоун. Том первый», автор: Томассон.

Он взял один экземпляр и раскрыл обложку.

На титульном листе красовалась напечатанная строка:

Посвящается мистеру Тому Беннету — первому, кто в меня поверил.

Он стоял неподвижно, долго вглядываясь в эти слова.

А затем улыбнулся.

— Отец! — раздался за дверью голос Элизабет. — Отец! Что привезла карета?

Мистер Беннет отворил дверь.

Элизабет стояла на пороге, а позади неё маячила Джейн. Обе заглядывали внутрь сгорающим от любопытства взглядом.

— Ничего особенного, — ответил мистер Беннет. — Всего лишь книги.

— Какие книги? — глаза Элизабет мгновенно загорелись. — Неужели Мэри?

Мистер Беннет отступил в сторону, пропуская дочерей.

Элизабет влетела в комнату, увидела распечатанный ящик, ровные ряды книг, замерла на секунду, а затем пронзительно взвизгнула:

— Мэри! Мэри! Беги сюда!

Мэри примчалась со второго этажа, запыхавшись, и вихрем влетела в кабинет.

Она увидела ящик.

Увидела книги.

Тёмно-синюю обложку, серебряные буквы.

Её имя. Точнее, не её имя — Томассон. Но это было её детище.

Она стояла как вкопанная, не в силах шевельнуться.

Джейн подошла ближе, вытащила из ящика один томик, раскрыла его и тихо прочла вслух:

— Сборник детективных историй Фрэнсис Уоллстоун. Том первый. Автор: Томассон...

Она подняла глаза на Мэри — её собственный взгляд сиял чистым восторгом.

— Мэри, — тихо произнесла она. — Твоя книга.

Мэри взяла протянутый томик и опустила взгляд на обложку.

В памяти всплыли те глубокие ночи, догорающие свечи, исписанные и скомканные листы бумаги. Вспомнился трепет, охвативший её сердце, когда Фрэнсис впервые ожила на бумаге.

Теперь Фрэнсис была здесь.

На страницах книги.

В её собственных руках.

— Я... — Мэри открыла рот, но не нашлась что сказать.

— Мэри! — голос Элизабет вывел её из оцепенения. — Быстро! Давай автограф!

Мэри подняла голову и увидела, что Элизабет размахивает книгой, а другой рукой извлекает откуда-то чернильное перо.

— Какой ещё автограф? — растерянно моргнула она.

— Самый настоящий! — Элизабет насильно всунула ей в руки книгу и перо. — Ты сама обещала: как только выйдет книга, с каждого по автографу! Мне нужен прямо сейчас!

Мэри потупилась, глядя на зажатые в руках том и перо, а затем снова посмотрела на восторженное лицо Элизабет.

Джейн тихонько улыбнулась сбоку.

— Лизи, не спеши ты так...

— Как тут не спешить? — возмутилась Элизабет с видом полной правоты. — Это первое издание! Потом они будут стоять кучу денег! Если Мэри прославится, этот экземпляр станет нашей семейной реликвией!

Мэри пробыла в замешательстве секунду-другую, а потом не выдержала и улыбнулась.

Она открыла книгу, перевернула на форзац, взяла перо и вывела строчку:

Лизи. Когда разбогатеешь на продаже этой книги, не забудь поделиться со мной половиной.
Мэри

Она протянула книгу обратно Элизабет.

Элизабет схватила её, бегло взглянула на надпись и вздернула брови.

— Поделиться половиной? Губа не дура.

Тем не менее она прижала томик к груди, обхватив его изо всех сил.

Джейн тоже взяла одну книгу и протянула Мэри.

— Мне тоже нужен автограф, — мягко попросила она.

Мэри взяла её экземпляр, подумала немного и написала:

Джейн — первой, кто держал меня за руку в томительном ожидании вестей. Мэри

Джейн приняла книгу, взгляделась в строчки, и её глаза слегка покраснели от нахлынувших чувств.

— Спасибо, — прошептала она.

Мэри покачала головой, не зная, как реагировать.

Элизабет тут же подала голос:

— Кстати, а сколько стоит эта книга?

Мэри опешила:

— Понятия не имею...

— А лондонцы её покупают вообще? — не унималась Элизабет. — Вдруг она залёжится?

Мэри задумалась.

— Не знаю, — честно призналась она. — Но мистер Эджертон говорил, что собирается делать допечатку.

Глаза Элизабет вспыхнули.

— Допечатку? Значит, раскупают хорошо?

— Наверное...

Элизабет опустила взгляд на книгу в своих руках, затем перевела его на Мэри.

— Ладно, — заключила она. — Тем бережнее я буду хранить свой экземпляр. Когда ты и впрямь станешь знаменитой, я заживу за её счёт на старости лет.

Джейн легонько толкнула сестру в бок.

— Лизи!

— А что? Я чистую правду говорю.

Мэри смотрела на них: на книгу в руках Джейн, на экземпляр Элизабет, на аккуратные стопки в раскрытом ящике.

И вдруг почувствовала, что к горлу подступают слёзы.

Совсем не от грусти.

А от осознания того, что эти страницы... действительно кто-то читает.

Её отец, Джейн, Элизабет.

И незнакомые ей люди там, в далёком Лондоне.

Прямо сейчас они открывают эту книгу, погружаются в историю Фрэнсис Уоллстоун, поддаются обаянию загадочных отпечатков пальцев и холодного воздуха, листая страницу за страницей.

Она опустила голову и смахнула тыльной стороной ладони слезинку с уголка глаза.

— Чего ты? — Элизабет тут же подалась вперёд. — Плачешь?

— Нет, — буркнула Мэри.

— Плачешь.

— Нет же.

Элизабет всмотрелась в её лицо, а затем решительно протянула руку и взъерошила ей волосы.

— Ладно тебе, — произнесла она. — Теперь ты у нас великая писательница, негоже размазывать слёзы по пустякам. Нужно держать марку таинственности.

Мэри подняла голову и шутливо насупилась на неё.

Но на губах цвела улыбка.

За окном заливался соловей.

Лучи солнца пробивались сквозь стекло, падая на ящик с книгами, на их тёмно-синие обложки, на вытисненное имя — Томассон.

Это было его имя.

И её тоже.

Теперь об этом узнает весь мир.

Пемберли погрузился в тихую, сероватую меланхолию.

С момента смерти старого мистера Дарси прошло уже три месяца, но атмосфера в этом огромном особняке, казалось, застряла в том самом промозглом дождливом утре. Слуги передвигались на цыпочках, разговаривали вполголоса, и даже огонь в каминах горел тише и спокойнее, чем обычно.

Джорджиана Дарси сидела у окна в библиотеке, положив на колени раскрытую книгу, но её взгляд застыл на одной точке, не сдвигаясь уже долгое время.

Она была ещё несовершеннолетней, в том самом возрасте, когда положено купаться в родительской ласке и братской заботе. Но отца не стало, а её брат Фицуильям с головой ушел в принятие поместья, решение хозяйственных вопросов и бесконечную бумажную волокиту — они уже три дня не могли перемолвиться и парой слов.

За окном раскинулись знаменитые лужайки Пемберли, лениво озарённые первыми лучами весеннего солнца. Зелёный бархат травы так и манил выйти наружу и прилечь. Но Джорджиана не двигалась с места.

Она просто сидела, глядя на третью страницу книги, которую так и не перевернула дальше.

— Барышня.

Тихий голос горничной Энн нарушил тишину.

Джорджиана подняла голову.

— Что такое?

— Из лондонского особняка передали кое-какие вещи, — Энн держала в руках небольшой поднос, уставленный несколькими томиками. — Оставшиеся там слуги заметили эти новые книги в лавке и подумали, что барышня любит почитать, вот и купили для вас.

Джорджиана бросила взгляд на принесённые книги.

Тёмно-синие обложки, тиснение серебром. Таких она ещё не видела.

— Оставь здесь, — велела она.

Энн положила книги на маленький столик у окна, постояла секунду и тихо осведомилась:

— Желает ли барышня чего-нибудь выпить?

— Не нужно, — ответила Джорджиана. — Можешь идти.

Энн кивнула и бесшумно удалилась.

В библиотеке снова воцарилась тишина.

Взгляд Джорджианы вернулся к стопке новых книг. Протянув руку, она взяла верхний томик и взглянула на обложку.

«Сборник детективных историй Фрэнсис Уоллстоун. Том первый».

Автор: Томассон.

Имя ни о чём ей не говорило.

Она открыла первую страницу и без особого энтузиазма принялась читать:

«Ноябрь 1817 года ознаменовался для Лондона редким ледяным дождём. Фрэнсис Уоллстоун, закутавшись в потертую шерстяную шаль, сидела у чердачного окна, глядя на покрытые ледяной коркой лужицы на улице...»

Джорджиана перевернула страницу.

За ней другую.

Солнечный свет проникал сквозь оконное стекло, ложась ей на плечи, скользя по исписанным страницам, медленно перемещаясь с её плеча на талию, затем на колени и, наконец, опускаясь на пол.

Она потеряла счёт времени.

Она не заметила, как Энн заглядывала снова, предлагая чай с печеньем, и как она сама рассеянно бросила в ответ «хорошо», продолжая читать дальше.

Она следила за тем, как женщина по имени Фрэнсис поднималась по лестнице старого дома — ступенька за ступенькой, очень медленно, останавливаясь на каждой площадке, чтобы оглядеться. Как Фрэнсис опускалась на колени и указывала на отмытый участок деревянного поручня со словами: «Здесь кто-то протирает». Как Фрэнсис прижимала бумагу к подоконнику, проявляя тончайшие круговые узоры.

А потом она видела, как эти узоры указывали на того единственного человека, на которого никто и подумать не мог.

Она дочитала первую историю до конца.

И тут же открыла вторую.

«Январь 1818 года принёс в Лондон самую суровую за последние тридцать лет зиму...»

Очередное новое дело. Новая загадка. И новый... совершенно небывалый способ её расследования.

<http://bllate.org/book/22034/2290821>